
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

РУССКАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА XVI ВЕКА

Е. И. Колычева, А. П. Пронштейн

Культурное развитие России в XVI в. осуществлялось в переломную эпоху великих географических открытий, становления капитализма, реформационно-гуманистических движений в Западной Европе, в эпоху формирования абсолютных монархий. В «общеевропейский водоворот» была втянута и Россия¹. Тем не менее ее историческое развитие имело ряд специфических черт. Российское государство было тогда крупнейшим в Европе. После присоединения Пскова, Рязани и многих земель на востоке (Казань, Астрахань и др.) его границы растянулись от Белого и Баренцева морей на севере до Чернигова и Путивля на юге, от Смоленска и Балтийского моря на западе далеко за Урал на востоке.

На этой территории утверждалась единая власть российского государя. После принятия Судебников 1497 и 1550 гг., складывания приказной системы управления и организации поместного войска, введения опричнины стали постепенно исчезать удельные традиции — «живые следы прежней автономии»². В течение всего XVI в. страна продолжала испытывать набеги со стороны соседних государств, в том числе испытала набеги крымских и казанских татар в 1521, 1571 и 1572 гг., пережила нашествие турецкой армии на Астрахань, вторжения ногайских орд³, вела тяжелую многолетнюю Ливонскую войну. Однако Русское государство настолько окрепло, что не только с успехом могло отражать врагов, но и сумело вернуть некоторые земли, захваченные литовцами и татарами, и обеспечить условия для более безопасной жизни населения, развития экономики, роста культуры.

Одна из особенностей истории России XVI в. состояла в том, что складывание единого государства сопровождалось укреплением феодального строя. Наблюдался быстрый рост феодального землевладения, прежде всего помещичьего и церковного, за счет некоторого сокращения боярских владений, а главным образом за счет чернотяглых крестьянских земель. Владея землей, но постоянно нуждаясь в деньгах (в связи с развитием товарно-денежных отношений), феодалы усиливали эксплуатацию крестьян и их закрепощение⁴. Эти внутренние и внешние обстоятельства в какой-то мере тормозили рост культуры русского и других народов страны. Но благодаря прежде всего активной созидательной деятельности трудовых масс хозяйственное и культурное развитие России в XVI в. шло довольно быстрыми темпами.

Значительные сдвиги в развитии производительных сил Российского государства произошли за счет подъема ремесла и торговли, роста общественного разделения труда, увеличения численности городского населения, повышения значения городов как крупных центров ремесленной и торговой деятельности. Но далеко не полным сведениям, только новых поселений городского типа, где основная масса жителей занималась ремеслом, в XVI в. возникло 45, а общее число вновь построенных и старых,

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. Кн. II. М. 1954, стр. 5; Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л. 1969, стр. 9; А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М. 1972.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 153.

³ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л. 1948, стр. 28—30.

⁴ В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. 1970.

но заметно разросшихся городов, не считая сибирских, украинских и белорусских, превышало 220⁵. Свидетельством развития городской жизни в тот период являлось также увеличение числа посадских людей в старых городах. Важнейшим хозяйственным центром страны стала Москва, один из крупнейших в Европе городов, в котором проживало тогда около 100 тыс. жителей. На северо-западе стояли Новгород и Псков, в каждом из которых было по 30 тыс. жителей, на западе — Смоленск, в Поволжье — Нижний Новгород, Казань, Астрахань, на севере — Холмогоры, Великий Устюг, Вологда, Ярославль и Архангельск.

Население России XVI в., не только сельское, но частично и городское, занималось в основном сельским хозяйством. Сеяли преимущественно рожь и овес. На севере страны преобладали яровые культуры — овес, ячмень, горох. Во Владимирском ополье рожь занимала 50% всех посевных площадей, культивировали и гречиху. Пшеницу сеяли мало. Лен и конопля были распространены главным образом в западных областях страны. Благоприятные в целом условия способствовали расширению пахотных земель. Появляется ряд новых поселений («починков»). Основным орудием пахоты была соха с полицей, то есть с отвальным устройством, а иногда и с отрезом (ножом перед сохой). Такое орудие приближалось по своим качествам к плугу. Плуг был хорошо известен. Ареал его наибольшего распространения — районы Вологды и Владимиро-Суздальского ополья. На землях низкого качества с тонким почвенным слоем, не допускавшим глубокой вспашки, применение плуга давало меньший эффект, чем применение усовершенствованной сохи, с последующей обработкой поля бороною. Распространение кос-горбуш, кос-литовок, серпов с зубьями также было связано с определенными районами. Широко применялись грабли, вилы, цепи.

Урожай зерновых культур в некоторые годы были довольно высокими, особенно в Козельском, Ярославском, Вологодском уездах, во Владимирском ополье. В значительной степени это можно отнести за счет качества обработки земли. В целом максимальные урожаи не превышали обычно для ржи и ячменя сам-4—5, для овса сам-3. Основной тягловой силой была лошадь, нередко использовались и волы⁶. В России существовала комбинированная система земледелия, заключавшая в себе трехпольную, подсеčno-огневую и переложную. При недостаточном количестве органических удобрений вести хозяйство длительное время на одном и том же участке было невозможно. Истощенную землю приходилось оставлять в перелог, чтобы она естественным путем восстановила свое плодородие. Переложная земля зарастала лесом, и для очистки пашни нужно было использовать подсеčno-огневую систему земледелия. Освоенная земля обрабатывалась путем разделения ее на три поля и по мере возможности удобрялась навозом. Пестрополье встречалось чаще всего в северных уездах. Возможно, что преобладание в России XVI в. 1—3-дворных деревень вызвано тем, что вокруг поселения обычно находилось строго ограниченное количество земель, которые использовались под сенокосы и могли быть резервом при истощении основной пашни⁷.

Низкая производительность труда, большая зависимость от природных условий в сильной степени влияли на урожаи. Поэтому не удивительно, что неблагоприятные метеорологические условия (засуха, заморозки, длительные дожди) неизбежно вызвали голод. Летописи пестрят сообщениями, что в такой-то год «глад велик был». С 1565 г. по 1571 г. не было ни одного года, когда население не страдало бы от недорода, вызывавшего страшный голод или моровое поветрие. Крестьяне были обременены двойным гнетом: феодалов и государства. Затяжная Ливонская война, отрицательные последствия опричнины усилили хозяйственное разорение в 70-х—80-х

⁵ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. М.-Л. 1947, стр. 77; А. А. Зимин. Состав русских городов XVI века. «Исторические записки». Т. 52. 1955.

⁶ Н. А. Горская. Земледельческие орудия в центральной части Русского государства второй половины XVI—начала XVII в. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сб. III. М. 1959; е е же. Зерновые культуры и их территориальное распределение в центре Русского государства к концу XVI—началу XVII вв. Там же. Сб. VII. М. 1969, и др.

⁷ И. В. Левочкин. К вопросу о системах землевладения в Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. «Ученые записки» Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Т. 359. М. 1970.

годах XVI века. На каждое жилое поселение в Московском крае приходилось три пустующих. Еще хуже обстояло дело в Новгородской земле.

Важной отраслью сельского хозяйства было также скотоводство. В хозяйствах феодалов наряду с вывезенными с Востока чистокровными скакунами (аргамаками, иноходцами) разводили лошадей для выполнения сельскохозяйственных работ. Источники свидетельствуют о селекции отечественных пород лошадей, в результате чего были, например, выведены рысаки («санники»). Видимо, для улучшения породы скакунов феодалы широко практиковали обмен лошадьми, иногда на весьма длительное время. В XVI в. разводились те же виды домашнего скота и птицы, что и теперь: коровы, овцы, свиньи, куры, утки, гуси.

Большое развитие имели рыболовные промыслы. Иностранцы, посещавшие в это время Россию, в один голос говорят об изобилии рыбы в реках и озерах⁹. По-прежнему процветало бортичество. Охота сохраняла значение в качестве подсобной отрасли народного хозяйства. Почти в каждом хозяйстве был огород. Семена и рассада покупались и продавались на рынке, частично жители пользовались и собственными семенами. В огороде же росли и фруктовые деревья.

Наблюдался дальнейший прогресс в области ремесла и промыслов. В XVI в. четко определились районы сосредоточения железнодобывающей промышленности — села Северо-Западной России, Устюжско-Белозерский край, юг Московского края, окрестности Тулы¹⁰. При поисках болотных и дерновых руд втыкали в землю деревянный кол и по звуку, а также по цвету и вкусу приставшей к колу породы определяли ее состав. Добытую руду сушили, прожигали и отвозили к домницам. Здесь ее закладывали в печь поверх горящего угля. Через определенное время вниз сползала густая масса — кричное железо. Его проковывали, снова нагревали и в горячем состоянии разрубали на части. При таком способе варки (для литья нужна была более высокая температура: 1 500—1 600°) железо получалось невысокого качества. При более сложной обработке криц получали уклад, который, по характеристике специалиста начала XIX в., «не есть железо и не есть сталь, но особый род металла, составленный из обоих»¹¹. Из него делали режущие и рубящие инструменты — ножи, топоры, оружие. Некоторые мастера владели секретом получения булата (литой или сварочной стали, насыщенной углеродом и прокованной особым образом), который очень ценился и употреблялся на изготовление доспехов, клинков и т. п.

В городах вышеуказанных районов развивалась железообрабатывающая промышленность. Одним из крупнейших ее центров был Великий Новгород, где в составе 6 163 посадских людей было 263 кузнеца, гвоздочника, замочника и т. п. мастера. Город снабжал изделиями железнотельного производства ближайшие и более отдаленные районы — Казань, Тихвин, многие русские монастыри. Из общего числа ремесленников Устюжны Железопольской половина была занята кузнечным промыслом. 43 кузнеца работали в Туле. Немало кузнецов было в Вологде. Но особенно много их трудилось в Москве. В кузнечном производстве наблюдалась специализация. Изделия кузнечных мастеров были широко известны и за пределами страны¹². На основе изучения археологического материала Б. А. Колчин пришел к выво-

⁹ П. Петрей де Ерлезунда. Путешествие на Русь. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (ЧОИДР). М. 1865, кн. 4, отд. IV, стр. 80, 84.

¹⁰ В. Н. Кашин. Крестьянская железнотельная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500—1505 гг. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 4, стр. 18, 29, 31—41; Е. И. Заозерская. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII веков. М. 1970.

¹¹ А. П. Васильевский. Очерки по истории металлургии Олонецкого края в XVI—XVII вв. Петрозаводск. 1949, стр. 36, 39—40.

¹² «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М. 1954, стр. 73; А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI веке. Харьков. 1957, стр. 51, 86; С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 1. М. 1952, стр. 59—61; П. А. Колесников. Устюжна Железопольская по материалам описаний 1567—1597 гг. «Города феодальной России». М. 1966, стр. 147; Б. А. Колчин. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 12, 1949, стр. 201—202; Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб. 1905, стр. 67; М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М. 1962, стр. 359, 502.

ду, что технология металлообрабатывающей промышленности в русских городах XVI в. была высоко развита. И оборудование кузницы и инструмент кузнеца достигли уже такого уровня, который был превзойден лишь в XIX веке¹³. Представление о работе кузнецов дают материалы раскопок, произведенных в Новгороде, а также изображение кузницы на новгородской иконе «Видение пономаря Тарасия» и на некоторых миниатюрах XVI века. В кузнице, обнаруженной в слоях XVI в., найден круглый деревянный постамент для наковальни высотой 55 и диаметром 60 сантиметров. Вокруг постамента — толстый слой угля, шлака, здесь же — железные отходы и остаток бронзового ключа. Как видно из дошедших до нас рисунков, в мастерской обычно работали три человека, каждый выполнял определенные функции. Главную роль играл мастер. В одной руке он держит поковку клещами на наковальне, а маленьким молотком, зажатым в другой руке, указывает места ударов молотнику. У молотника в обеих руках большой молот, которым он бьет по поковке. Поодаль стоит другой подмастерье и раздувает пламя горна мехами¹⁴.

Инструменты и орудия труда, которые использовались в кузницах, были традиционными: наковальни — прямоугольные, а также с рогом и плоским основанием, молот большой (кувалда) и малый (одноручник), клещи, зубила, пробойники, тиски и напильники, сверла различного диаметра и формы. Кузнецы изготовляли по заказу и на продажу сошники, серпы, косы, топоры, деревообделочные инструменты (долота, сверла, пилы, тесла, стамески, гвоздодеры), железные оковы для деревянных лопат, крюки, засовы, гвозди, замки, скобы, безмены, свечники и другие предметы, а москвовские, новгородские и тульские мастера, помимо этого, выделывали оружие (секиры, копья, сулицы, самопалы), кольчугу («пансырь», «байданы»), ядра¹⁵.

Быстро развивалось в то время и литейное дело. Первые пушки в России были отлиты в начале XV в., а в XVI в. их стали изготовлять уже в значительном числе, обеспечивая потребности страны в пушках и ядрах¹⁶. Крупным центром литейного производства был Пушечный двор в Москве. Здесь работали многие выдающиеся мастера, в том числе А. Чохов, отливший знаменитую «Царь-пушку» (1586 г.), длина которой — 5 м, вес — 40 т, калибр — 89 сантиметров¹⁷. В Москве, Пскове, Новгороде отливали великолепные колокола. В мастерских при Похвальской церкви Пскова были изготовлены колокола для Кирилло-Белозерского монастыря весом в 400 пудов; для псковской Успенской церкви — в 200 пудов; для Соловецкого монастыря — в 170 пудов. Эти колокола были столь высокого качества, что про лучших литейщиков стали говорить: «Льют, как похвальские»¹⁸. Литье колоколов в Новгороде также велось в крупных масштабах. В 1530 г. для соборной церкви св. Софии был отлит колокол весом в 350 пудов, а во второй половине века — колокол-благовестник в 500 пудов. Более крупный колокол весом в 1 тыс. пудов был в то время отлит только в Москве¹⁹. Процесс литья колоколов изображен на миниатюре XVI в.: глиняную форму, которая располагалась в глубокой яме, заливали металлом. Когда металл остывал, форму ломали. Эта, на первый взгляд несложная операция требовала от мастеров

¹³ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 203—208.

¹⁴ А. А. Строков, В. А. Богусевич, Б. К. Мантейфель. Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 г. «Новгородский исторический сборник». Вып. 5. 1939, стр. 10—12; П. Л. Гусев. Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». «Вестник археологии и истории». Вып. XIII. СПб. 1900, стр. 31, рис. VIII; А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М. 1944, стр. 76.

¹⁵ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 53, 65—66, 68, 75, 119; А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. Там же, стр. 132; Е. И. Заозерская. Указ. соч., стр. 227, и др.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948, стр. 602; «Очерки русской культуры XIII—XV вв.». Ч. 1. М. 1968, стр. 207; «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». Т. 1. М. 1940, стр. VI.

¹⁷ А. П. Лебедеванская. Очерки по истории пушечного дела в Московской Руси. «Сборник исследований и материалов» Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Т. 1. М.-Л. 1940, стр. 69.

¹⁸ В. А. Богусевич. Псковские литейщики XVI—XVII вв. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 9—10, стр. 338.

¹⁹ В. А. Богусевич. Литейный мастер Михаил Андреев. «Новгородский исторический сборник». Вып. 2. 1937, стр. 94.

большого искусства. Не случайно в Москве, Пскове, Новгороде и других городах существовали свои школы литейщиков.

В связи с ростом населения в XVI в. возросла потребность в таком продукте питания, как соль. Это способствовало развитию солеварения. Во многих центральных и северных районах страны соль в то время добывалась с помощью глубокого бурения, иногда на глубине свыше 150 метров. Это требовало сложной техники, представление о которой дает составленная в конце века «Роспись, как зачат делат Новая труба на новом месте». Бурение производилось сменными буравами, которые поднимали воротом на высоту до 15 м и тотчас быстро опускали. Землю из скважины извлекали при помощи особых желонки. Затем в скважину вставляли проконопаченные трубы, засыпали зазоры землей и выкачивали рассол. Иногда соль вываривали из соленых озер (например, в Старой Руссе) или из морской воды. Вываривание соли производили на огромных железных сковородах — цренах, которые подвешивались над очагом²⁰. На соляных промыслах широко применялся наемный труд.

Рост населения страны в XVI в. повлек за собой увеличение строительства жилых и хозяйственных помещений, церквей и крепостных сооружений. Небольшие сельские строения делали сами крестьяне, крупные же постройки, особенно в городах, возводили мастера. Для сооружения двух- и трехъярусных зданий использовались рычаги и блоки. В случае необходимости деревянные строения быстро разбирались и ставились на новом месте (так был построен Свяжск). Все более широкое распространение получает возведение каменных и кирпичных крепостей, церквей и жилых домов. Это способствовало развитию техники, производству строительных материалов. В XVI в. стали делать стандартные по размеру кирпичи большими партиями — до 1 млн. штук в каждой. В мастерской, где их изготовляли, намечалось разделение труда между мастером и подсобными работниками²¹. В таких мастерских вырабатывали и плитки для вымостки полов и черепицу. О технических приемах работы и характере сооружений из кирпича можно судить по кирпичной кладке, обнаруженной в Новгороде в слоях XVI века. Она представляла собой параллелепипед длиной 2,15 м, шириной 0,75 м и высотой 0,22 м и состояла из трех слоев стандартных кирпичей. В верхних двух слоях кирпичи лежали плашмя, в нижнем — стояли на ребрах. Кладка была скреплена известью²². В крупном строительстве для фундамента использовался белый бутовый камень. Его добывали в специальных местах (ломках), а на стройке дробили и шлифовали. Нижняя часть крепостных стен обычно состояла из известковых блоков, выше они шли вперемежку со слоями кирпича. Все это затем покрывалось штукатуркой (таким способом был выложен Белый город в Москве, стены Смоленского Кремля и др.)²³.

С обработкой глины было связано не только изготовление кирпичей, но также гончарное и керамическое производство. Эти ремесла не были технически сложными, а потому долго оставались отраслью домашней промышленности. Однако в крупных городах XVI в. они становятся важными отраслями ремесла. В Москве и других городах имелись специальные мастерские, где изготовлялись кувшины, горшки, миски, кубышки, рукомойники, лохани, лампы, льячки — формы для разливания расплавленного металла. В начале века преобладала мореная (нелощеная) керамика. Наружная поверхность у нее была черная, внутри — светлее. В 30-х — 40-х годах XVI столетия в Москве получила распространение лощеная керамика. Такие сосуды делались разных цветов. Они сначала полировались, затем подвергались обжигу и лощению. Изготавливались и печные изразцы; они были обнаружены в Новгороде в слоях XV—XVI веков. Было найдено семь кусков изразцов зеленого цвета; один из них

²⁰ П. М. Лукьянов. Краткая история химической промышленности в СССР. М. 1959, стр. 33; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 573—574; А. А. Савич. Соловешкая вотчина XV—XVI вв. Пермь. 1927, стр. 101.

²¹ М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, № 12, 1949, стр. 58, 95—97.

²² А. В. Арциховский. Раскопки восточной части дворища в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 169—170.

²³ П. А. Раппопорт. Русское шатровое зодчество конца XVI в. МИА, № 12, 1949, стр. 295; И. Хозеров. Новые данные о Смоленской городской стене. Смоленск. 1930; А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, № 31, 1952, стр. 22, 24.

служил, видимо, печным зубцом, остальные — частями узора на печной стене. Применялись изразцы и для украшения крупных зданий. Глубокий рельеф рисунка на этих изразцах имитировал резной камень, поэтому поверхность изразца покрывалась слоем белого ангоба. Для украшения стен употреблялись еще и майоликовые плиты. Они делались из светложгущихся глин, на которые накладывался глазурный покров зеленовато-желто-коричневой гаммы цветов²⁴.

Прядение и ткачество в России оставались в XVI в. отраслью деревенской домашней промышленности. Но в крупных феодальных хозяйствах и в городах существовали мастерские, где изготавливались ткани более высокого качества, в частности, на продажу²⁵. Полотна, холст вырабатывали главным образом на севере и северо-западе страны — в районах льноводства и коноплеводства. В Новгороде, например, в конце XVI в. числилось 148 льяников и 67 холщевников. С 80-х годов XVI в. приобрели известность полотна кадашевские, тверские, прозоровские. Мастерские по изготовлению шерстяных тканей имелись во многих русских городах. Одна из них была открыта в Новгороде в слоях XVI века²⁶. Для окраски тканей, изготовленных в домашнем хозяйстве, требовались особое оборудование, красители и определенные навыки. Этим делом занимались специальные лица. Так, в Новгороде в XVI в. насчитывалось 166 красильников и 29 белильников. Сложность выработки крашенины определяла ее сравнительную дороговизну. Стоимость крашенины в XVI в. превышала рыночную цену холста в 3—4 раза и почти равнялась стоимости сермяжного сукна²⁷.

В XVI же столетии получил распространение один из видов украшения ткани — набойка. На досках, сделанных из прочных пород дерева, вырезали узор. Доску намазывали масляной краской, накладывали на нее смоченный холст и прокатывали деревянным валком. Узор отпечатывался на ткани. Рисунки делались обычно двух цветов — черного и красно-оранжевого. По дошедшим до нас набивным тканям XVI в. (они хранятся в Государственном историческом музее) можно судить о высоком мастерстве первых русских набойщиков²⁸.

В Новгороде, Вологде, Холмогорах и других городах ремесленники изготавливали веревки и канаты, требовавшиеся сельским и городским жителям на бытовые нужды, а также шедшие на судовые снасти. Эти изделия и канатная пряжа пользовались большим спросом и за границей²⁹. Многие ремесленники в русских городах XVI в. занимались шитьем одежды и головных уборов. В Новгороде, например, их насчитывалось более 700. Наблюдалась узкая специализация мастеров не только по отдельным видам одежды (армячники, кафтанники, колпачники), но и ее частям (завязочники, пуговичники). Дорогостоящие вещи шились по заказу. Но немало предметов выносилось и на базар, где торговцы одеждой часто имели свои ряды — Кафтаный, Сермяжный и прочие³⁰.

К числу ведущих отраслей ремесленного производства в XVI в. относится изготовление кожи и кожевенных изделий, в том числе обуви. Крупнейшими центрами этого ремесла были Москва, Новгород, Ярославль, Вологда, Тула, Можайск. Археологами найдена сапожная мастерская XVI в., от которой сохранился очаг из камней, а вокруг него — огромное скопление заготовок для обуви и отходов сырья для са-

²⁴ А. В. Арциховский. Раскопки восточной части дворища в Новгороде, стр. 171—172; Н. Н. Воронин. Изразцы. «Русское декоративное искусство». М. 1962, стр. 268—271.

²⁵ «Домострой». СПб. 1911, стр. 29; Д. П. Маковский. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в. Смоленск. 1968, стр. 99, 261—262, 310—311; С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 83—85.

²⁶ Е. И. Заозерская. Указ. соч., стр. 418—419; А. П. Пронштейн. Указ. соч., стр. 248—251; А. А. Строков, В. А. Богусевич, Б. К. Мантейфель. Указ. соч., стр. 10.

²⁷ А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л. 1951, стр. 85.

²⁸ И. А. Алпатов. Набойка. «Русское декоративное искусство», стр. 435—436.

²⁹ Архив ЛОИИ, коллекция 2 (АК), д. 36, лл. 3 об.—4, 9—9 об., 14—15, 79; М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 243; Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 14.

³⁰ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. СПб. 1889, стр. 339—342; Архив ЛОИИ, ф. 132, д. 3, л. 160; д. 17, л. 10; д. 53, лл. 2, 6 об., 7.

пожного производства: обрезки кожи, подошвы, ремни, каблуки. С XVI в. в Москве владели умением выделывать высокосортные кожи и окрашивать их в различные цвета³¹. Важную отрасль ремесленной деятельности составляло скорняжное дело. Существовал большой спрос на изделия меховщиков, в первую очередь из овчины, так как она являлась основным видом зимней одежды. Выделка овчины долгое время оставалась видом домашнего промысла в крестьянском хозяйстве. Но уже в XVI в. в городах проживало много скорняков-овчинников. Среди скорняков особое место занимают специалисты по выделке дорогих мехов. К этой категории относятся бобровники, лисичники, а также медведники. Об их работе свидетельствуют и письменные источники и археологические материалы. Так, во время раскопок в Новгороде в слоях XVI—XVII вв. было обнаружено значительное количество костей бобра³².

Одной из наиболее древних ремесленных специальностей на Руси была обработка дерева. Ею занимались плотники, шепетники, токари, бочары, дощаники и другие. Помимо сооружения домов и срубов, они вели работы по благоустройству городов, строили корабли и лодки, делали сани, телеги, лопаты, грабли, кадки, бочки. В XVI в. наблюдается специализация по обработке дерева в отдельных селах и даже районах: Вязьма поставляла придворной знати парадные сани; в Шелонской пятине делали колеса и другие деревянные части для артиллерийских орудий; Тверь, Калуга, Дорогобуж славилась ложками и другой деревянной посудой, а новгородские плотники специализировались на деревянных мостовых и водоотводных трубах³³.

В каждом городе и почти в каждой крупной феодальной вотчине имелись мастера, занимавшиеся художественными ремеслами. Одним из них была обработка цветных металлов. Великолепные образцы этого искусства собраны в Оружейной палате Московского Кремля. Среди них — оклады на иконы, блюда, ковши различной формы и размеров. Ковши имели не только прикладное, но и декоративное значение. Они украшали пиршественные столы. Их делали из золота и серебра, стоили они очень дорого³⁴. В XVI в. серебряники возродили ювелирный прием черни; изделия с чернью находили широкий спрос и за границей. На севере и северо-западе страны была распространена художественная резьба по кости. Материалом служил моржовый клык («рыбий зуб»). На более дешевые изделия из кости шли средние части берцовых коровьих костей. Археологам известно несколько мастерских по обработке кости в Новгороде и Москве, в которых делались косяные рукоятки для ножей и посохов, шахматы, гребни, печати, ложечки, кресты³⁵. Высокого мастерства достигли золотшвей. На всю страну была известна мастерская художественного шитья в Москве у князя В. А. Старицкого, где создавались произведения большой художественной ценности. Во многих городах в то время получил распространение так называемый живописный стиль. Его отличительной чертой являлось сочетание разноцветных темных и светлых тонов, создающих красочный силуэт. Как отмечают исследователи, образцом такого шитья может служить новгородский «чин», хранящийся в Государственной Третьяковской галерее³⁶.

Перепишечиков, художников-иллюстраторов, переплетчиков и торговцев рукописными книгами — всех их в XVI в. называли книжниками. Многие книжники не принадлежали к духовному званию (как это имело место раньше). Возникновение книгопечатания в России середины XVI в. было своеобразным переворотом, который способствовал, в частности, развитию некоторых отраслей ремесленного производства, связан-

³¹ А. А. Строков, В. А. Богусевич, Б. К. Мантейфель. Указ. соч., стр. 10—11; М. Г. Рабинович. О древней Москве. М. 1964, стр. 116.

³² А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 139.

³³ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 94; А. Ф. Медведев. Водоотводные сооружения древнего Новгорода. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», № 41, 1951.

³⁴ М. М. Постник в а-Л о с е в а. Русские серебряные и золотые ковши. «Труды» Государственного исторического музея. Памятники культуры. Вып. X. М. 1953, стр. 11; А. П. Пронштейн. Указ. соч., стр. 69.

³⁵ А. А. Строков, В. А. Богусевич, Б. К. Мантейфель. Указ. соч., стр. 12; М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 123, 124.

³⁶ «Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV в.— начало XVII в.». М. 1955, стр. 207.

ных с выпуском книг. Чтобы осуществить переход от ручного изготовления книги к механическому, необходимо было создать печатные станки, специальные доски, которыми оттискивались заставки и другие украшения на книжных страницах, наборные шрифты. В этом деле русские мастера опирались на большой опыт, накопленный в предшествовавшие годы в плотницком ремесле, резьбе по дереву и металлу, литейном производстве. Первые печатные станки были довольно примитивными. На деревянных столбах устанавливалась перекладина, в которой укреплялась металлическая гайка — «орех». Внутри гайки находился винт. На его нижнем конце была закреплена плита. Под плитой помещали лист бумаги. Рукояткой мастер вращал винт, прижимая лист к установленной под ним и закрепленной в раме печатной форме. Получался оттиск. Работали на этих станках печатники и «мастера печатных дел». Уже в XVI в. они хорошо освоили процесс набора. Например, в первых изданиях строчки были разной длины. Потом мастера начали увеличивать или сокращать расстояния между литерами (делать «выключку»). Книжные страницы стали более четкими и красивыми. Совершенствовалась и техника печати. Уже в XVI в. книги печатались в две краски. Делалось это так: на наборной полосе, уже выкрашенной черной краской, выскабливались отдельные места и покрывались красной краской. Но вскоре этот трудоемкий процесс был заменен печатанием с двух последовательно накладываемых печатных форм³⁷.

Военные нужды вызывали потребность в порохе и селитре. Они изготовлялись в Москве, Новгороде, Угличе, Ярославле, Воронеже, Казани, Старой Руссе, Нижнем Новгороде, а также в сельской местности. Распространенным промыслом было и смолокурение. Смола требовалась в большом количестве в повседневном быту (смазка колес), при обработке кожи, приготовлении канатов, в военном деле, медицине³⁸. При гонке смолы попутно получали древесный уголь. В тех районах, где росли сосновые деревья, было развито производство дегтя. Наконец, значительно расширилось производство красок, которые применялись в текстильном производстве, при книгопечатании, изготовлении икон. Как свидетельствуют источники, наиболее распространены в то время были празелень, охра, сурик, лазорь, марена, шафран³⁹.

По сравнению с предшествующим периодом сельские поселения не претерпели больших изменений. Двор крестьянина состоял из нескольких построек. Обычно это изба, клеть, сеник. Изба — главное жилое помещение, имевшее около входа печь, которая сооружалась из глины или из камней и глины. Топили избу «по-черному». Над горловиной печи устраивали козырек «искренин глинян или железен, и хотя и низок потолок, ино не страх огня»⁴⁰. Дым выходил через верхнее окошко. Другие два окна, расположенные ниже, также были небольшого размера (так называемые «волоковые», когда рама задвигалась «волоком»). Вместо стекла натягивался рыбий пузырь («паюсные» окна). Но встречались и слюдяные окна. Наиболее типичные размеры избы: 5,5 на 5,5 м, 6,5 на 6,5 метра. В центральных уездах избы были несколько меньше — двухсаженные (4,5 на 4,5 м). Складывали сруб предпочтительно из хвойных пород дерева. Изба ставилась без подклети. Иногда к ней пристраивался трехстенный прируб. Крыша крылась тесом. В избе жили, а во время холодов кормили скот. Во дворе сооружалась клеть, которая по размерам несколько уступала избе. На севере клеть ставили высоко над землей, на подклети. Основное назначение клетки — хранение зерна, муки, вещей, одежды. В ней сооружались специальные закрома. Кроме того, клеть — место приема гостей. Летом она использовалась как спальня. Освещались жилые помещения лучиной, вставленной в светец.

Еще одной сельской постройкой был сеник. Особенно большие сеники сооружали на севере, где суровая и длинная зима требовала заготовки значительного коли-

³⁷ Е. Немировский, Б. Горбачевский. Рождение книги. М. 1957, стр. 49; «400 лет русского книгопечатания. Русское книгопечатание до 1917 г.» М. 1964, стр. 38—40.

³⁸ П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX в. Т. V. М. 1961, стр. 38, 126—127; «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук» (ААЭ). Т. I. СПб. 1836, №№ 205, 317; Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 24.

³⁹ ААЭ. Т. I, №№ 230, 282; «Английские путешественники в Московском государстве». М. 1937, стр. 14; П. М. Лукьянов. Краткая история химической промышленности в СССР, стр. 25.

⁴⁰ «Домострой», гл. 61.

чества сена. Сенник ставился на высокой подклети, которая использовалась в качестве хлева для скота⁴¹. Сенник и клетки — взаимозаменяющие постройки. В Тверском уезде свыше 80% крестьянских дворов имели одну какую-нибудь постройку — либо сенник, либо клеть. Летом сенник мог служить в качестве спальни. В центральных уездах верх сеней использовался для устройства сенника, а сени иногда пристраивались к избе. Сени могли быть звеном, связывающим избу и клеть. Но в рассматриваемый период такая связь — явление редкое. Другие сооружения во дворе крестьянина: мыльня, погреб, сарай, амбар. Последний в Новгородской земле строился на столбах. Хлебни, поварни встречаются только у зажиточных крестьян, да и то не часто. Необходимая принадлежность крестьянского хозяйства — оwin для сушки зерна. Он мог быть один на несколько семей. Его устройство в большинстве случаев крайне примитивно: хлеб держали в яме, а над ней сооружали легкий навес из жердей напоподобие шалаша⁴².

На севере для скота строили массивные двухэтажные (с сенником наверху) хлевы. В южных краях практиковалось бесстойловое содержание скота под навесом или просто под открытым небом. Иногда сооружались легкие плетеные загородки, обмазанные глиной. В литературе получила распространение точка зрения, согласно которой к концу XVI в. начинает вводиться стойловое содержание скота и в лесной зоне Европейской России⁴³, так как паровая система земледелия с трехпольным севооборотом требовала органических удобрений, а навоз хорошего качества легче получить при закрытом содержании животных. Появляются животноводческие крытые помещения с несколькими отделениями для различных пород скота⁴⁴. Двор крестьянина, как правило, не огораживался, зато вокруг огорода и посевов ставился высокий тын для защиты от скота.

Жилища представителей привилегированных слоев общества отличались от крестьянских. Хоромы феодалов состояли из отдельных высоких срубов-клетей, соединенных между собой сенями. Основной постройкой являлась горница с комнатой. Горница сооружалась на высокой подклети. Она имела печь с дымоходом и трубой. Рядом с нею строилась повалуша (клеть со вторым и третьим этажом, то есть высокая четырехугольная башня), также на подклети. Между горницей и повалушей устраивались сени. От сеней вниз шла лестница. Эта трехкамерная связь могла многократно повторяться, образуя затейливый комплекс с переходами. По такому принципу был выстроен, например, дворец Ивана Грозного в Коломне⁴⁵.

Феодалы средней руки ограничивались трехкамерной постройкой, расположенной в глубине двора. При необходимости возводилось еще одно подобное сооружение. Для кровли использовали драницу, тесницу, луб. Ворота, лестница, наличники украшались искусной резьбой. Дом имел два крыльца — нижнее и верхнее. Во дворе находились избы для челяди, поварня и пивоварня. Последние имели открытый очаг, окруженный загородкой из дерева («обруб») или же из камня и кирпича. Для закрепления котла над огнем ставился таган или железные прутья. Дым уходил в щели крыши через специальную надстройку типа фонаря — «дымник». В поварнях и пивоварнях готовили пищу, варили пиво, брагу, мед⁴⁶. В усадьбе феодала могла быть выстроена и специальная хлебня. В леднике, погребе, на погребнице хранились запасы сварен-

⁴¹ «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.». Петрозаводск. 1941, №№ 188, 189, 110, 116.

⁴² Г. Г. Громов. Русское крестьянское жилище XV—XVII вв. По письменным источникам. «Вестник» МГУ. Серия «История», № 6, 1965; А. А. Шенников. Крестьянские усадьбы в XVI—XVII вв. (средняя и южная часть Европейской России). «Архитектурное наследство». Т. 14. М. 1962; его же. Крестьянские усадьбы XVI—XVII вв. (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России). Там же. Т. 15. М. 1963.

⁴³ А. А. Шенников. О русских крестьянских усадьбах XVI в. «Доклады отделения этнографии Географического общества СССР». Вып. 2. Л. 1966.

⁴⁴ А. А. Шенников. Распространение животноводческих построек у народов Европейской России. «Советская этнография», 1968, № 6.

⁴⁵ Г. Бочаров. Изба и хоромы. «Декоративное искусство СССР», 1964, № 7; М. Г. Милославский. К вопросу о реконструкции дворца Ивана Грозного в Коломне. «Архитектурное наследство». Т. 14, стр. 211—212.

⁴⁶ А. А. Шенников. Устройство и назначение поварни. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР». Вып. 15. Л. 1970.

ного меда, пива, бочки с рыбой, свежее мясо, различные овощи. Ледник устраивался глубоко в земле, заполнялся льдом, а сверху покрывался лубом и засыпался землей. Рожь, пшеница помещались в житнице. Соленое и «ветряное» мясо, вяленая и сушеная рыба хранились в сушиле. Клеть, подклеть, амбар использовались для хранения одежды, войлока, оружия, лошадиной сбруи, а также мыла и золы. В другие амбары, подклети, подсенья ставили сани, дровни, телеги и иные средства передвижения. Тут же помещались корыта, пустые бочки, мерники, сита и т. п. Все эти помещения полагалось запирать. Из построек для содержания скота упоминается конюшня, где устраивались ясли с сеном, а пол выстилался соломой. Двор был загорожен. Участок дороги около усадьбы должен был быть вымощен бревнами (это касалось городских усадеб феодалов).

Как правило, дома сооружались из бревен, реже — из брусьев, с изобилием врубок, потайных шипов и с редким употреблением металла для соединения отдельных элементов. Часто сруб изготовлялся на стороне, а затем по реке на плотках доставлялся на место назначения. Но наряду с деревянными домами в XVI в. строят и каменные палаты, используемые главным образом для приема гостей. Изменяются размеры кирпича, который становится меньше (312 на 134 на 89 мм), чем ранее. Но по-прежнему деревянные жилища считаются более здоровыми, чем каменные⁴⁷.

Интерьер жилищ в XVI в. был сравнительно беден. В комнатах стоял полумрак, хотя в некоторых окнах вместо слюды использовалось стекло. Помещение освещалось сальными свечами. Восковые свечи зажигались перед иконами. Свечи крепились в подставки — шандалы. Даже на царском пиру горели сальные свечи в медных подсвечниках, а соседние комнаты были освещены крайне скудно. В переднем углу покоев размещались иконы. Там же ставился стол, накрытый скатертью. Тут же стояли скамьи и лавки. В ходу были и стулья, спинки к которым, обтянутые золотой и серебряной кожей с цветами и листьями, привозили из Западной Европы⁴⁸. Отдыхали на лавках. Постель состояла из перины, изголовья, нескольких подушек и одеяла, которое шилось из меха с шелком, с атласом. Судя по миниатюрам, подушки имели овалообразную форму и по краям были расшиты золотом, «дробницей», жемчугом. Наиболее дорогие вещи, одежду прятали в сундуках, коробьях, скрынях, которые стояли в жилых покоях.

В XVI в. одежда приобретает важное значение как показатель социального и имущественного положения человека, его знатности, богатства. При этом принимались во внимание длина платья, материя, из которого оно шилось, украшения, вышивка и даже цвет. По головному убору можно было судить о сановитости того или иного представителя общества, его богатстве, о семейном положении женщины. Недаром церковное установление «Стоглав» поучало: «Каждому бо свое одеяние, о тех же и познается, хто есть коего чина»⁴⁹. Повседневная одежда отличалась от выходной, которая предназначалась для торжественных случаев. Иностранцы путешественники единодушно подчеркивали пышность и богатство одеяний царского двора. Так, во время аудиенции с иностранными послами Иван IV сидел «в длинной одежде, отделанной листовым золотом, с жезлом из золота и хрусталя в правой руке». Его приближенные были «все в роскошном золотом платье». К обеду царь поменял наряд на серебряное одеяние, остальные присутствующие были в белой одежде. Золотые пуговицы на царском одеянии достигали размеров небольшого яйца и были усыпаны жемчугом и драгоценными камнями. Подчеркнутая пышность в одежде должна была внушить приезжим иностранцам мысль о богатстве и могуществе Русского государства. Так поступали не только русские цари, но и многие владыки других стран.

Русские посольства, отправляясь к иноземным государям, в коробах везли с собой роскошную одежду. Английский путешественник Р. Ченслер сообщал, что рус-

⁴⁷ «Акты феодального землевладения и хозяйства» (АФЗХ). Ч. 2. М. 1956, № 335; М. Г. Милославский. Техника деревянного зодчества на Руси в XVI—XVII вв. «Труды» Института истории естествознания и техники. Т. 7. М. 1956; А. С. Бобков. Сборное строительство на Руси в XVI в. Там же; А. В. Коноров. К истории кирпича в России в XI—XX вв. Там же.

⁴⁸ «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (АИ). Т. I. СПб. 1841, № 71; Р. Барберини. Путешествие в Московию в 1565 г. «Сын отечества», 1842, № 7, стр. 18, 20, 44.

⁴⁹ «Стоглав». СПб. 1863, гл. 90.

ские посланники к королю польскому «были одеты и снаряжены с пышностью свыше всякой меры. Не только на них самих, но и на их конях были бархат, золотая и серебряная парча, усыпанные жемчугом... Но это не их повседневная одежда»⁵⁰. С изменением общественного положения человека менялась и его одежда, которая как бы символизировала принадлежность к той или иной социальной иерархии. Разгневавшись на датского принца Магнуса за неудачную осаду им Ревеля в Ливонской войне, Иван IV повелел снять с него княжеское платье⁵¹. Опричники «должны были носить черные кафтаны и шапки и у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к палке»⁵².

Одежда выполняла и функции награды, поощрения. Цари жаловали своих особо отличившихся приближенных одеждой. После взятия Казани Иван IV роздал боярам и служилым людям много шуб и кубков. Богатые подарки, в том числе и одежду, получали приезжавшие в Москву послы⁵³. Одежда свидетельствовала о роде деятельности и занятиях людей. Так, при участии в военных походах поверх обычной одежды надевался тегилый, часто заменявший доспехи. Тегилый прокладывался пенькой и насквозь простегивался. Чтобы не стеснять движений воина, он шился с короткими рукавами. Воротник был высоким с целью уберечь шею от удара вражеского оружия. В зависимости от имущественного положения воина тегилый мог быть сшит из дорогого бархата, атласа или же хлопчатобумажной материи (киндяк, бязь). Особое одеяние носили монахи, хотя, по утверждению С. Герберштейна, оно немногим отличалось от мирского. На голове у них была небольшая круглая шапочка, поверх которой надевалась большая шляпа, защищавшая от зноя или дождя, или же продолговатая шляпа из бобрового меха. У епископов на шелковой мантии спереди извивались три белые каймы. Монастырские работники при пастыбе скота, пахоте земли и других видах сельскохозяйственной деятельности носили костолон, шившийся из посконной холстины. Из этого же материала делались кошулы для работников, выполнявших более чистую работу (приготовление еды для монахов)⁵⁴.

Установление прочных международных связей России с другими странами содействовало притоку разнообразных тканей с Востока и Запада, а укрепление собственной экономики способствовало появлению тканей отечественного производства. Эти факторы оказали влияние на эволюцию одежды того времени: появляется новый вид одежды, отсутствовавший ранее на Руси (например, кафтан), и, наоборот, становятся все менее употребительными некоторые традиционные одежды (кожух). Меняется мода и на протяжении самого столетия. Отдельные предметы туалета, которые носили женщины, к концу века превратились в мужские одеяния (опахень). В то же время сарафан, который в предшествующий период упоминался как мужская одежда, получает распространение среди женщин. Вероятно, при этом произошли некоторые изменения и в самом покрое платья. В настоящее время известно более 40 наименований различных предметов, составлявших гардероб россиян в XVI веке.

К сожалению, из-за схематичности изображений на миниатюрах и в иконографии трудно точно представить себе, как выглядел тот или иной предмет туалета. Социальное положение низов художник обычно подчеркивал «короткополостью». Крестьяне, плотники, лесорубы, каменщики, слуги, гонцы, нищие изображались в коротких одеждах⁵⁵. На клеймах иконы середины XVI в., посвященной житию Зосимы и Савватия, дважды изображена жена рыбака. На ней широкое красное одеяние ниже колен; волосы скрыты под белым покрывалом, собранным в виде шлема. Тут же помещены фигуры двух мужчин, по-видимому, рыбаков, темная одежда которых доходит только до икр. На

⁵⁰ Р. Барберини. Указ. соч., стр. 15, 16; «Английские путешественники в Московском государстве», стр. 57—59.

⁵¹ «Неизвестный Московский летописец XVI в.». «Записки» отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Вып. 32. М. 1971, стр. 146, 160—161; «Пискаревский летописец». «Материалы по истории СССР». Т. 11. М. 1955, стр. 126, 132.

⁵² Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М. 1925, стр. 86.

⁵³ «Пискаревский летописец», стр. 73, 94, 105, 106.

⁵⁴ С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб. 1908, стр. 44—45; «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею» (РИБ). Т. 37. Л. 1924, стр. 32, 36, 63.

⁵⁵ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 100, 192.

голове у них красные с белым отворотом головные уборы. Но встречаются и более короткие одежды, значительно выше колен⁵⁶. Горловина и подол одеяния иногда украшались широкой каймой желтого цвета. Такая же кайма вшита в рукава выше локтя. Из каймы делались и манжеты. Для торжественных случаев и дальних поездок крестьяне и слуги имели длинное платье. Разные виды одежды (однорядка, кафтан, опашень, шуба) могли носить различные социальные слои населения. Но материал, из которого изготовлялось платье крестьян, был иной, чем у дворян и бояр. Так, крестьянские шубы шились из шкур баранов или зайцев. Реже встречается мех белок и кошек. Сверху они покрывались крашеной или грубым сукном. На однорядки у нуждавшихся крестьян шли шкуры коров⁵⁷.

Гардероб крестьянина был таков: когда однажды в начале века ограбили двух крестьян, то у одного взяли однорядку, кортел из меха кошек, летник-самоделку да шубу баранью, а у другого — сермягу и терлик из крашеины⁵⁸. В 40-х годах прочное место в гардеробе крестьянина занял кафтан. Вот список одежды одной крестьянской семьи Ярославского уезда в 1543 г.: шуба, сермяга, кафтан из крашеины, летник, опашень, 5 рубашек мужских, 15 рубашек женских, 5 портов нижних, сапоги мужские, 4 пары сапог женских и детских. У соседней семьи одежда была та же, отсутствовал лишь летник да меньше было рубашек и сапог. Обычно на рубашку и порты крестьянин надевал кафтан, чаще всего бараний, крытый крашеной, а поверх кафтана — однорядку или сермягу, которые имели одно и то же назначение. Это были длинные, до пят, одежды с застежкой спереди, сшитые из сукна. Они могли подпоясываться кушаком. В кафтане и однорядке крестьянин выезжал со двора даже летом. Зимой на кафтан надевались шуба, шушень. На голове были шапка или колпак⁵⁹. Любая работа выполнялась в старом, «ветчаном» платье, и лишь по ее окончании крестьянин и слуга надевали «вседневную» одежду и сапоги. Лучшая одежда предназначалась для праздничных дней. В ней ходили в церковь, в гости и тщательно берегли от снега и дождя⁶⁰. Женщины поверх рубашки носили летники, кортел, шубы, опашни. Первые известия о сарафанах в крестьянской среде приходятся на вторую половину XVI века. Волосы замужней женщины были скрыты под повязкой-убрусом или же шапкой.

Одежда привилегированных слоев населения была многообразнее по ассортименту, а сшита — из дорогих тканей. Летник, как правило, кроился из шелковой материи ярких расцветок (куфтарь, тафта, камка, обьярь), реже из шерсти (зуфь). Он представлял собой длинную одежду, надевавшуюся через голову, обычно на сорочку. Застежки спереди не было. Широкие рукава позволяли видеть богато расшитые запястья «шидяной» рубашки. Подол, рукава украшались вошвами, которые делались из более дорогого материала: бархата, аксамита, тканного серебром и золотом. Такая же вошва могла вшиваться спереди от горловины до подола. Средняя стоимость летника равнялась 5 рублям. На эти деньги крестьянин мог бы купить 2—3 лошади. Но встречались и более дорогие летники — 9 и даже 15 рублей. Женским одеянием имущих классов XVI в. был торлоп. Шился он из меха белки либо куницы и сверху покрывался шелком. Но были торлопы «нагольные», «не пушенные», то есть не покрытые сверху материей. Торлоп украшался вошвами. Возможно, что по своим функциям торлоп соответствовал мужскому кафтану. Сходен с ним кортел, который также кроился из меха белки, куницы, реже соболя, однако в большинстве случаев не имел вошвы.

К верхней одежде относился опашень с пышными, очень длинными сужающимися к запястью рукавами. Спереди опашень застегивался на серебряные или золоченые пуговицы. Шился он обычно из сукна (зуфь, лунское, настрофиль, багрец, скорлат). Не совсем ясно назначение шуб и шубок: относились ли они к верхнему платью или

⁵⁶ Н. Маясова. Памятник с Соловецких островов. Л. 1969, клеймо 6 и 7; В. И. Антонова, Н. Е. Мнев а. Каталог древнерусской живописи. Т. II. М. 1963. илл. 3, 42, 45; «Древнерусская миниатюра. 100 листов миниатюр». Л.-М. 1933. Миниатюры 64—67, 70, 88, 92.

⁵⁷ Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 127.

⁵⁸ АФЗХ. Ч. I, №№ 1а, 2а.

⁵⁹ Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. 2. СПб. 1895, № 10; ЦГАДА, ф. Соловецкого монастыря, д. 557.

⁶⁰ «Домострой», гл. 22, 37.

были парадным одеянием, предназначенным для торжественных случаев. Женские шубы могли быть холодными, сшитыми из сукна, шелка, но в ряде случаев они «подбивались» мехом. Некоторые из них застежек не имели (так называемые «распашные» шубы). Наиболее знатные женщины носили сверху приволоку (подволоку), сшитую обычно из бархата с горностаем. Несмотря на то, что женская одежда имущих классов шилась из дорогой ткани и украшалась пышными вошвами и серебряными пуговицами, женщины носили большое количество всевозможных украшений. Поверх платья надевалось ожерелье: жемчужное с золотыми и серебряными пуговицами или же из бобрвого меха типа круглого воротника. На руках — широкие жемчужные запястья; в ушах — золотые и серебряные серьги; на пальцах — золотые перстни. В качестве женских украшений упоминаются также монисто с крестами, кружево жемчужное, жемчужные передцы с яхонтами. Жемчуг имел широкое распространение, его использовали для украшения одежды и обуви⁶¹. Сапожки шились из кожи разных цветов: белой, желтой, голубой. Голову боярские жены покрывали тафтяною повязкой, чаще всего красного цвета, затем шел белый убрес. Поверх всего могла быть надета шапка с опушкой из соболиного меха⁶².

Мужчины привилегированных слоев населения носили шелковые или полотняные красные сорочки. Ворот, рукава, подол рубашки расшивались шелком и жемчугом или отделывались галуном из золотых, серебряных и шелковых нитей. Рукава застегивались серебряными, медными с позолотой и жемчугом шариками (пробораз современных запонок), могли применяться богато расшитые запястья. Поверх рубашки надевалась легкая шелковая одежда длиной до колен, с застежкой спереди. По-видимому, то был терлик, который известен как княжеское одеяние еще в XV веке. Терлик шился из яркого шелка (атласа, камки, тафты). Для походной службы употреблялись более простые терлики из бязи. Плечи иногда простегивались. К концу XVI в. терлик все больше выходит из употребления. По-видимому, меняется и его покрой: появляются терлики, «подбитые» мехом, пенькой, а сверху покрытые хлопчатобумажной тканью (зенденю). Можно предположить, что такой терлик при необходимости заменял защитное военное платье — тегиляй или же надевался в дорогу⁶³. Поверх терлика носили кафтан — длинное прямое платье с узкими рукавами. На груди, на обеих болах нашивались поперечные шнурки. На левой поле шнурки кончались петлями. Кафтан украшался 9—13 пуговицами, матерчатыми или серебряными, и мог подпоясываться кушаком. Шился кафтан из атласа, бархата, тафты, камки с подкладкой из шелка, реже — меха (собольего, песцового, беличьего). В повседневном обиходе был незаменим кафтан, покрытый хлопчатобумажной тканью на заячьем меху. Горожане шили кафтаны из окрашенных полотен и холстов⁶⁴. Кафтан на Руси — детище XVI века.

В торжественных случаях поверх кафтана накидывалось распашное платье из шелка, зачастую подбитое мехом. Оно было короче кафтана и не застегивалось, чтобы зрителям можно было по достоинству оценить пышность не только распашной одежды, но и кафтана. Существовали два вида верхней одежды — ферези и охабни. Ферези встречались чаще всего в княжеской среде. Этот вид одежды не имел пуговиц, а только несколько завязок около шеи. По краям ферези шел золотой галун. Охабень шился с длинными (ниже колен) рукавами и имел воротник, спереди же украшался пуговицами: серебряными, хрустальными, коралловыми, причем белый коралл ценился выше красного. Пуговицы имели форму груши, еловой шишки, дыни с камнем или с финифтью. Судя по миниатюрам, охабни часто носились внакидку⁶⁵. Возможно, что к подобному типу одежды относилась и шуба. Различались шубы бархатные, тафтяные, «подбитые» мехом белки и куницы; суконные, даже хлопчатобумажные, также на меху; шубы только из меха белки, куницы, реже соболя, бобра, лисицы. Стоила такая

⁶¹ АФЗХ. Ч. 2, № 207; Р. Барберини. Указ. соч., стр. 40, 43.

⁶² Л. И. Якунина. Русское шитье жемчугом. М. 1955; Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 157—158.

⁶³ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 80, 207; Р. Барберини. Указ. соч., стр. 44.

⁶⁴ «Домострой», гл. 30.

⁶⁵ Р. Барберини. Указ. соч., стр. 41, 44; И. Н. Шмелева. Русская торговая книга XVI в. Рукопись кандидатской диссертации. Л. 1948, стр. 295; «Древнерусская миниатюра. 100 листов миниатюр». Миниатюры 7, 13, 14; «Культура Древней Руси». Л. 1967, стр. 166—167.

шуба от 2 до 6 рублей. Шубы в зависимости от назначения могли быть санные (для выезда) и столовые (для приема гостей). В ненастную погоду надевали однорядку, которая в отличие от охабня не имела большого воротника.

На коротко остриженной голове имущие мужчины носили маленькую шапочку типа тибетейки — тафью, вышитую шелком, золотом и украшенную жемчугом и драгоценными камнями. Поверх нее водружалась меховая шапка, имевшая форму высокой, расширяющейся кверху трапеции, стоимостью около 4 рублей, или же колпак. По форме и по месту происхождения колпаки различались на ордынские и местные. Они шились из шелка с подкладкой из тафты, имели отвороты, спереди украшенные серебряными пуговицами с жемчугом. Иногда низ колпака обшивали мехом. Мужчины носили сапоги, обычно красного цвета, подошва которых прибывалась металлическими гвоздиками. Одно время бытовала мода, согласно которой носки сапог делались острыми и загибались кверху⁶⁶. В домашней обстановке, очевидно, имели распространение мягкие виды обуви: чулки из красного, лазоревое сукна или сафьяна, ноговицы из камки, объяри, шитые золотом и серебром, полуголенки. Упоминаются также чеботы и торки. Как в мужской, так и в женской одежде всех слоев населения преобладали яркие тона. Любимым цветом на Руси был красный и множество его оттенков (багровый, вишневым, малиновым, гвоздичный, червлёный, червчатый, алый). Далее отдавалось предпочтение зеленому с излюбленным лазоревым оттенком, желтому, рудо-желтому. Синий, серый, черный, белый цвета встречаются значительно реже. При этом из черной ткани шили в основном верхнее платье.

Источники XVI в. называют посуду серебряную, оловянную, медную, железную и деревянную, но широко была распространена и глиняная, прежде всего горшки, корчаги. Крестьяне пользовались главным образом глиняной и деревянной посудой, часто самодельной. Даже ведро для воды были деревянными. Только часть предметов быта изготовлялась из железа. Деревянная посуда применялась повсеместно. Еще в XV в. Калужский район стал известен тем, что здесь вырабатывались «ставы» блюд, братины, ковши высокого качества. С. Герберштейн сообщал, что «искусно вырезанные деревянные кубки и другие вещи из дерева, имеющие отношение к домашнему хозяйству», вывозились из Калуги в Москву, Литву и «другие окрестные страны»⁶⁷.

Еще одним центром по изготовлению деревянной столовой посуды было с. Клементьево и окружающие его деревни, расположенные близ Троице-Сергиева монастыря. Поэтому братины, ложки, чаши, ковши, ставцы, сделанные здесь, носили название «троицких». Большое количество художественно отделанной, расписанной золотом посуды продавалось в Москве. Всероссийским центром по выделке посуды была также Карелия. В документах упоминаются «корельские ставы» блюд, ложки. На изготовлении деревянной посуды специализировались жители Тверского уезда. Отсюда корцы, ковши, ставцы, блюда белые и красные, ложки вывозились в Волоколамск, Вологду, Заозерье. Еще большее распространение получила выработка деревянных ложек, простых белых, щепочных, красных, репчатых, шадровых и корневых. Некоторые имели вставки из моржовой кости. Монастыри скупали их сотнями для раздачи богомольцам. Поэтому центры по выработке ложек часто возникали рядом с монастырями. Так случилось с Благовещенской слободой, расположенной недалеко от Болдино-Дорогобужского монастыря. На севере поставщиком ложек был Вологодско-Белозерский край⁶⁸. Для выделки посуды использовалась всевозможная древесина. Известны блюда из осины, чаши и ложки из вяза, кадки из липы, ложки из клена. На поделку шли также береза и кап.

Среди погребной «порядны» XVI в. находим всевозможные деревянные бочки, полубочки, в которых хранились соленые сливы, вишни в патоке, конопляное масло, а также сельди, осетрина и прочая рыба, кадки для квашения капусты, «скопу» молока, соленых грибов, а также корыта, сита, решета. Мука, горох, крупа хранились в бочках или коробьях. Коровье масло, сметана продавались в берестенях, берестнич-

⁶⁶ Д. А. Ровинский. Материалы для русской иконографии. Вып. 6. СПб. 1886, № 217; С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 80; Р. Барберини. Указ. соч., стр. 14—15.

⁶⁷ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 108; АФЗХ. Ч. 2, № 97; РИБ. Т. 32. Пггр. 1915, стр. 468.

⁶⁸ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 95—101; РИБ. Т. 32, стр. 334.

ках, вмещавших от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ пуда, икра — в лукошках. Сухая рыба шла в рогожных кулях («рагозина»). Отправляясь в путь, пиво и мед везли с собой в больших деревянных бутылках. Посуда из серебра даже у представителей класса феодалов встречается редко: серебро шло в основном на оклады к иконам. Из него изготавливались некоторые предметы столового обихода: чарки, выносные и питьевые ковши, черпальца, кубки, братины, енды — сосуды, в которых гостям подавались хмельные напитки. По форме они напоминали деревянную посуду. Братины имели шарообразную форму и иногда завершались конусообразной крышкой. Украшались они чеканным узором, выпуклые части которого, а также венцы золотились. Енды были похожи на братины, но только с носиком и использовались для хранения жидкости и ее разлики. Чары и чарки имели припаянную к верхнему краю полкообразную ручку и напоминали современные чашки. Ковши представляли собой ладьевидный сосуд, могущий при необходимости плавать на поверхности напитка. Интересно устройство «двойчатых» кубков, разделенных на две половины так, что каждая половинка являлась сосудом для питья. Таким образом, можно было пить крепкий напиток и из этого же кубка запивать более слабым. Мюшерма, изображенная на многих миниатюрах, иллюстрирующих княжеские пиры, имела высокие, почти одинаковые по форме ручку и носик и напоминала современный чайник. Серебряные ложки встречаются редко. Вилки, салфетки для рук тогда еще не вошли в обиход. Ножи также не полагалось подавать на стол. Серебряная посуда украшалась надписями, позолотой, чернью, иногда драгоценными камнями⁶⁹. Россия издавна славилась своими мастерами по серебру.

Помимо русской серебряной посуды, привилегированные классы пользовались предметами, изготовленными и привезенными из Западной Европы. По своей форме и стилю эта утварь отличалась от русской посуды, которая сохраняла своеобразные черты. Посуда из золота принадлежала очень незначительной части наиболее крупных феодалов. Среди них на первом месте стоял царь. Приезжие иностранцы единодушно отмечали богатство царской столовой утвари. «Вся посуда на моем столе была из золота и серебра, такая же посуда была и на других столах: кубки были из золота, украшенные камнями». В Оружейной палате хранится золотое блюдо, украшенное тонким черневым орнаментом, весом около 3 килограммов⁷⁰.

Дорогой была также посуда из олова и меди, так как оба эти металла привозились из-за границы. Из олова изготавливались укусуницы, перечницы, солонки. Широкое распространение получили оловянки — большие емкости для жидкости. Согласно «Домострою», мед и пиво из бочек для подачи гостям переливали в оловянки. Оловянки делались не только из олова, но и из меди. Оловянными могли быть также мюшермы, кружки, мисы, блюда и прочие столовые судки. Из меди изготавливалась кухонная посуда: белые (луженые) сковороды с ручками и без них, пивные котлы, котлы для варки нищи, тазы, лохани для умывания. Из меди делалась столовая посуда: чарки, стопы, енды, судки. Серебряная, оловянная и медная «порядна» была предметом неусыпной заботы хозяина. «Домострой» советует тщательно их хранить, периодически осматривать, взвешивать и запирает на замок. «Суды оловянные, медяные, деревянные» полагалось заранее покупать понемногу и хранить для приданого дочери. Железо стоило в 10 раз дешевле олова и меди. Из него делали кухонную утварь: котлы, горшки для варки пищи, сковороды, в том числе блинне.

Пища мало изменилась по сравнению с предшествующим веком. Существовало то же разделение на скоромный и постный стол. Основной пищей для крестьян оставались хлеб, каши, щи, кисели, квас. Еда многочисленной челяди в барских хоромах почти не отличалась от крестьянской. В «мясоястные» дни к каше добавляли сало или свинину («ветчину»). В скоромные дни капуста и толокно заменялись молоком или кашей. Пирог, блины, кисели подавались в праздники. Обычно на стол ставили решет-

⁶⁹ В. Никольский. К вопросу о формах и происхождении древнерусской братины. «Сборник Оружейной палаты». М. 1925; М. М. Постникова-Лосева. Указ. соч.; М. М. Постникова-Лосева, Н. Г. Платонова, Б. Л. Ульянова. Русское черное искусство. М. 1972.

⁷⁰ «Английские путешественники в Московском государстве», стр. 58, 77; П. Петрей де Ерлезунда. Указ. соч., стр. 182—184; «Временник имп. Московского общества истории и древностей российских» («Временник» ОИДР). Кн. 7. М. 1850, стр. 54—55; «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». Альбом. М. 1958, №№ 155, 159.

ный хлеб. В качестве ежедневного напитка подавался квас («исток пивной»), получаемый с сусла после двухразовой варки пива. В неурожайные годы голод всей своей тяжестью ложился на плечи беднейшего населения, тогда как у богатых торговцев и представителей феодальной знати хранились запасы продовольствия, которых хватало бы на несколько лет. До наших дней дошли монастырские книги, из которых явствует, что счет икре, осетрине, лососю, меду и прочим продуктам велся там на десятки пудов. Недаром митрополит Даниил, человек тучного телосложения и с красным лицом, «не желая казаться более преданным чреву, чем постам, бдениям и молитвам.., перед отправлением торжественного богослужения окуривал лицо свое серным дымом для сообщения ему бледности»⁷¹. Иностранцы описывают царские пиры, длившиеся по несколько часов, когда подавалось до 100 блюд: сначала — печеное (жареное, отварное), затем похлебки, а под конец соленая рыба. На стол ставились предварительно разрезанные печеные лебеди, журавли, цапли, утки, гуси, куры, зайцы, баранина, свинина, лососина и т. д.

Все блюда готовились с большим количеством соли, чеснока, перца, корица и гвоздика употреблялись меньше. Термины «супы», «бульоны» на Руси отсутствовали. Главное место среди горячих похлебок занимали щи и уха. Уха варилась из частичковой рыбы, как свежей, так и сухой. Упоминается уха карасевая, лещовая, плотичья, щучья, язевая, окуневая. Последняя часто подавалась в холодном виде. Существовала особая шафранная уха. Варили уху и из осетрины, стерляди, судака. Но они обычно именовались тавранчуками. Ухой называли также бульоны, супы: «уха курячья голая», «уха курячья со пшеном шафранная», «губы лосиновых в ухе». Щи делали часто на кислой основе, сцеженной с пивного сусла. В них добавлялись толченые вандыши (высушенная мелкая рыбка). Щи могли быть и с курицей, уткой, с ветчиной. Упоминаются щи репьяные, капустные, борщовые. Растение «борщ» (борщевик) пользовалось в XVI в. большой популярностью. Весной его листья отваривали и употребляли в пищу. Борщ сушили, заготавливая впрок на зиму. Возможно, слова «ботвинья», «рассол» также означали особый вид похлебки.

Широкое распространение имела репа пареная, печеная, лапша с перцем, а также горох, который добавляли часто в гречневую кашу. Между блюдами подавались пироги, «копытца с творогом» (ватрушки). Привозного вина было мало: это «фрязское», «романей», «ренское», «бастру». Под термином «вино» в обиходе подразумевали водку. По-прежнему был популярен мед — малиновый, вишневый, обарный, паточный и другие сорта. Технология приготовления, в основе одинаковая, различалась количеством положенного меда, временем выдержки, а главное, приправами. В мед клали мускат, гвоздику, благовонные травы, патоку, вишневый или малиновый морс. Иностранцы утверждали, что меды, подаваемые к царскому столу, были «так превосходны, что поспорят с нашей мальвазией». Пиво варили из ячменя, подсытывая его иногда для крепости медом, или же добавляли вишневый морс. Даниил Принц из Чехии сообщал, что «беднейшие делают другой напиток из закваски и воды и называют его квасом». Популярны были квасы хлебные, яблочные, вода брусничная. Летом по Москве ходили парни с деревянными чашами и каменными кувшинами со льдом и морсом, который готовился из воды, меда и можжевельных ягод. Среди сладостей фигурируют арбуз, дыня в патоке, вишни, яблоки, груши в патоке, пастила, сладкий миндаль, испанский изюм, левашники, орешки в соку. Варенье носило название «сока». В те времена в продаже появляется привозной сахар. Большим спросом пользовались лимоны, которые хранились в рассоле. Лимоны ели чаще с рыбой, в то время как к мясу подавали соленые сливы, которые закупались у смоленских купцов в большом количестве. Видимо, известны были на Руси и апельсины. В поход брали крупу, горох, свинину, овсяную сечку, соль. На привале варили кашу или толокно. Правительство не обеспечивало провиантом служилых людей; каждый должен был кормиться сам и кормить своих слуг⁷².

⁷¹ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 41.

⁷² АИ. Т. I, № 176; «Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (ДАИ). Т. I. СПб. 1846, №№ 73, 135; «Временник» ОИДР. Кн. 6. М. 1850, стр. 7—28; «Домострой», гл. 46, 47, 49; Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. ЧОИДР. М. 1876, кн. 4, отд. IV, стр. 69; Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 68, 120, 124; Г. Штаден. Указ. соч., стр. 84; «Английские путешественники в Московском государстве», стр. 58, 60, 64, 65, 79.

Происходят изменения и в вооружении армии. Еще в XV в. меч почти вышел из употребления. Для конницы середины XVI в. характерно наличие ударного оружия — копья или сабли. Наряду с русскими саблями встречаются булатные сабли черкасские, турецкие, ширяцкие, а также сабли «литовское дело». Они были искусно украшены резьбой и позолотой, ножны окованы серебром. Как писал С. Герберштейн, в начале века «саблю употребляют более знатные и более богатые». Всадник, вооруженный саблей, а не копьем, имел при себе также лук со стрелами, достигавшими метра длины. При этом иностранцы отмечали, что «луки... сделаны очень искусно на разный образец, расписаны и изукрашены разными красками, так что в других землях не найдешь им подобных». Особенно роскошно золотом и серебром расшивались саадаки, где хранились стрелы.

Отряды феодалов, составленные из слуг, имели такое же снаряжение — копье, реже саблю с луком. У многих были рогатины, походившие на копье с массивным наконечником, который назывался «рожон» (отсюда выражение: «лезть на рожон»). В 1556 г. был проведен смотр служилым людям в Серпухове. Соотношение главных видов оружия — копий, сабель с луками, рогатин выразилось в пропорции 2 : 1 : 0,6. Со временем копье уступает свое главенствующее место. В Коломенском уезде в 1577 г. число людей, вооруженных саблями и луком, составляло 94%, и всего несколько человек явились с копьями. Однако копье не вышло из употребления. При случае даже царь мог явиться в полном боевом снаряжении и с копьем в руках⁷³.

Главным средством защиты служилых людей на полях сражения был доспех, кольчатый и пластинчатый. Первый тип доспеха делался из мелких колец. Это «пансырь» в виде кафтана, простиравшегося до колен; кольчуга, напоминавшая рубашку из колец, общим весом от 12 до 16 кг; байдан. К пластинчатому дощатому доспеху относились юшман, бехтерец, зеркало, куяк. Они отличались разной величиной и формой пластинок, способом скрепления их между собой. Например, в куяке металлические пластинки нашивались на кожу. Некоторые части дощатого доспеха делались из колец, в то же время защитные свойства кольчатого доспеха усиливались благодаря металлическим пластинам, помещаемым на груди и спине. Надевалось и несколько доспехов одновременно. Как сообщал Р. Барберини, на русских была «большая кольчуга с рукавами, поверх нее латы». Если воин был в бехтерце, то он обычно надевал еще бармицы — кольчатый доспех, который прикрывал его плечи, шею, грудь. Поверх доспеха мог быть накинута бархатный с золотом тегияй или же приволока. На руки надевались наручи, ноги защищали наколенники. И те и другие имели застежку. Металлическая броня являлась надежной защитой от стрелы, копья, сабли.

Щит становится ненужной деталью военного снаряжения, особенно для всадника. Вооруженного и саблей и луком, у которого обе руки должны быть свободны. Поэтому щит употребляется крайне редко, скорее в силу привычки или как часть парадного снаряжения. Голову защищал высокий конический шлем без забрала и без козырьков спереди и сзади. Форма шлема была выбрана удачно, так как оружие, обрушенное на голову, соскальзывало с покатых его боков. Низкий шлем назывался «шалка железная». Дружинники феодала из-за дороговизны и нехватки брони были одеты в толстые прошитые тегияи, которые приравнялись к защитному доспеху. На голове у них были железные, медные, матерчатые шапки. Последние простегивались, в них прокладывались железные пластины. Но ни шапки из меди, ни тем более из ткани не могли выдержать силы удара. Поэтому при смотре войск с феодала, выставившего воинов в подобном снаряжении, взыскивался штраф⁷⁴.

⁷³ АФЗХ. Ч. 2, №№ 97, 176, 207; «Пискаревский летописец», стр. 44, 79; С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 75; М. М. Денисова. М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. (Краткий определитель русского военного оружия XI—XIX вв.). М. 1953; «Боярская книга 1556 г.». «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России». Кн. 3. М. 1859; П. Петрей де Ерлезунда. Указ. соч., стр. 87, 138, 147, 149.

⁷⁴ АФЗХ. Ч. 2, №№ 97, 172, 176, 207, 229, 265, 274, 276, 282, 370; Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. 1. СПб. 1895, №№ 11, 14, 16, 19; «Сборник Русского исторического общества». Т. 41. СПб. 1884, стр. 79, 80, 103, 122, 143, 144, 152; Р. Барберини. Указ. соч., стр. 11, 42; С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 75; Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 67; С. К. Богоявленский. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. «Исторические записки». Кн. 4, 1938.

По-другому была вооружена пехота. В XVI в. все большее значение приобретает огнестрельное оружие. Появление в России фитильных замков относят уже к XV веку. Первые образцы фитильного оружия назывались пищальми. Пищали «затинные» относились к образцам артиллерийского вооружения. Пищали ручные, ручницы представляли собой длинноствольное ружье. Пищали (или, как их еще называли, «самопалы») были принципиально новым видом оружия по сравнению с употреблявшимися в XV в. «самострелом», который в основе своей конструкции имел тот же лук. Со временем ручная пищаль получила заметное отличие от артиллерийского орудия («наряда»), главным образом благодаря уменьшению калибра, размеров и веса. Ручницы становятся основным видом вооружения пехоты. Они все шире входят в быт. Появляются «пищали зверинные» для охоты. Но все же еще долгое время пищали оставались тяжелыми, громоздкими, неудобными для использования. При стрельбе необходима была подставка. Заряжалось ружье с дульной части ствола. В казенной части располагался запал. Воспламенение пороха (зелья) производилось тлеющим фитилем. Последний надо было всегда носить с собой в железных трубках с отверстиями. Это было опасно, кроме того, в дождливую погоду он гас. На протяжении всего XVI в. идет дальнейшее усовершенствование ручниц: их вес уменьшается до 6—8 кг, вместо фитильного замка появляется ударно-кремневый.

Пехотинец имел при себе также бердыш — топорик с закругленным в виде полумесяца железным лезвием на длинном древке. Свою окончательную форму бердыш получил в XVI веке. Стрельцы использовали бердыш как подставку при стрельбе из пищали. Другим оружием, также служившим для подставки, был ослоп, напоминавший дубину. При рукопашных схватках ослоп превращался в грозное оружие. На вооружении стрельцов были и рогатины, во второй половине века — сабли. Одеты пищальники были в однорядки и сермяги.

Большим успехом ознаменовалось развитие русской артиллерии, которая выделилась в самостоятельный вид войск. Пушки стали изготавливаться не из железа, а из меди. К концу XVI в. имелись не только гладкоствольные, но и нарезные орудия с механическим затвором, применялись лафеты. Иностранцев поражали величина и количество пушек и ядер. Один из них в 1575 г. писал, что только в двух местах сосредоточено более 2 тыс. орудий, причем некоторые так велики, широки и глубоки, что рослый человек, стоя на дне орудия, не может достать его верхней части. Д. Флетчер считал, что «ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить подтверждением Оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые». Существовал особый вид пушек («тюфяки») для поражения дробом живой силы противника с близкого расстояния. Перевозились пушки и снаряжение на лошадях или по воде⁷⁵. В полевых сражениях применялось защитное средство — легкое подвижное укрытие «гуляй-город», которое состояло из деревянных щитов, устанавливаемых и спереди и сзади войнов. Под их прикрытием стрельцы и пушкари вели огонь. Протяженность «гуляй-города» могла достигать 10 верст. Его высокая эффективность проявилась в боях, отражавших конные набеги крымских татар.

Развитие артиллерии повлекло за собой усовершенствование военно-инженерного дела. При осаде крепостей впервые в XVI в. стали применяться подкопы под стены с последующим их минированием. При штурме Казани в 100 м от города поставили туры, «а где нельзя туром, тут тын». Против царских ворот была воздвигнута многоярусная башня 12 м высотой, с которой велся массированный огонь. Контрмин-

⁷⁵ АФЗХ. Ч. 2, №№ 172, 207; ААЭ. Т. 1, № 205; ДАИ. Т. 1, №№ 72, 73, 91; «Полное собрание русских летописей». Т. 6. СПб. 1853, стр. 46, 238, 255; т. 13, ч. II. СПб. 1906, стр. 448; «Пискаревский летописец», стр. 61, 135; «Домострой», гл. 55; А. Гваньини. Замечания иностранца XVI века о военных походах русских того времени и преданности их к государю своему. «Отечественные записки», 1826, ч. 25, стр. 96; Р. Барберини. Указ. соч., стр. 8, 11; «Английские путешественники в Московском государстве», стр. 57; Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб. 1889; Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 70; «История военного искусства». М. 1966, стр. 72—74; И. Харук. Из истории русской артиллерии. «Из истории развития русской военно-технической мысли» М. 1952, стр. 19—40; Н. Гнатовский. Русские мастера стрелкового оружия. Там же, стр. 41—46; А. Л. Монгайт. Русская артиллерия в XIV—XVI вв. «Военно-исторический журнал», 1940, № 7.

ная борьба состояла в устройстве «слухов», в постройке перед стенами бревенчатого частокола, врытого глубоко в землю ⁷⁶.

Крепости Российского государства обычно располагались на важнейших путях и прикрывали Москву с основных стратегических сторон. Продолжали действовать и старые крепости. Линия укрепления, проходившая по северным рубежам страны, состояла из ряда давних новгородских крепостей, полностью перестроенных в конце XV — начале XVI века. Другая проходила вдоль западного края Псковской земли. Здесь-то и были созданы псковичами крепости в конце XV в. «по почину» великих московских князей. С постройкой Ивангорода на исходе XV в. обе эти линии сомкнулись в полукольцо, прикрывавшее Россию со стороны Швеции, Ливонии и Литвы. С юго-восточной стороны огромные пространства прикрывались оборонительной линией, в состав которой входили крепости, перестроенные в первой половине XVI в.: Васильсурск, Нижний Новгород, Коломна, Зарайск, Кашира, Тула и другие. Они перерезывали основные шляхи, которыми казанцы и крымцы двигались на Москву. Вокруг самой Москвы форпостами располагались мощные крепости-монастыри. К концу XVI в., когда Швеция предпринимала попытки отрезать Россию от Белого и Балтийского морей, укреплялись и перестраивались стены северных монастырей ⁷⁷. В 1584 г. была сооружена деревянная крепость в Архангельске, вызывавшая восхищение иностранцев.

Строились оборонительные сооружения из кирпича с применением местного камня. Иногда они воздвигались и из дерева. Особенно касается это южных укреплений. С увеличением возможностей артиллерии начинает меняться форма крепостей. Они становятся «регулярными», то есть имеют геометрически правильную основу (чаще четырехугольник) со строго симметричным расположением стен и башен. Таковы кремль Ивангорода, Тулы, Зарайска. Но наряду с ними строились крепости «свободной» композиции: кремль Нижнего Новгорода, Коломны и ряда других городов. Дальность полета пушечного ядра определяет в это время расстояние между башнями и обуславливает прямолинейную их форму, предоставляя возможность простреливать с башен пространство перед ними почти параллельно, чего нельзя было сделать при старых формах — округлых.

Таким образом, XVI в. был временем важнейших изменений во многих областях материальной культуры России. Раны, нанесенные двухвековым монголо-татарским игом, заживали. Место старых традиций в ремесле, одежде, посуде, вооружении, каменных постройках занимают новые. С укреплением феодального государства, как никогда раньше, получают широкое распространение золото, серебро, драгоценные камни для прославления богатства и могущества сначала великокняжеской, затем царской власти и верхушки господствующего класса. Все резче обозначается культурный и бытовой контраст между феодалами и народными массами.

⁷⁶ «Пискаревский летописец», стр. 69—70; Р. Б арберни. Указ. соч., стр. 15; А. Г ванъини. Указ. соч., стр. 99; Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 68—70; «История военного искусства», стр. 74—76.

⁷⁷ В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI в. М. 1962; А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлеспин. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVIII веках. МИА, № 77, 1958.